

ВНЕШНИЕ СВЯЗИ РЕГИОНОВ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПАРАДИПЛОМАТИИ

Иван Лошкарёв*

DOI 10.24833/2073-8420-2018-3-48-99-106

Введение. В статье рассматриваются теоретические основания исследований в области парадипломатии – внешних связей внутригосударственных административно-территориальных единиц. Парадипломатия является зонтичным понятием в рамках нескольких близких по содержанию теоретических подходов. Автор анализирует основные проблемы в теории парадипломатии, связанные с недостатком эвристического потенциала и отсутствием сформированной понятийной сетки.

Материалы и методы. С теоретико-методологической точки зрения автор использует герменевтический подход, который позволяет сочетать дескриптивные методики и анализ субъективных аспектов рассматриваемого явления. Кроме того, автор опирается на сравнительно-исторический метод и нормативный политический анализ, что позволяет вписать факты политической реальности в рамки политической теории. Материалом для исследования выступила парадипломатическая практика России, Бразилии, Канады, США, Танзании, ЮАР.

Результаты исследования. Автор выявил три основных проблемы теории парадипломатии, которые задерживают ее дальнейшее развитие. Теория парадипломатии не имеет внятных ответов в вопросах пространственной трансформации административно-территориальных единиц и взаимосвязи этих трансформационных процессов с парадипломатической активностью. Теория парадипломатии неспособна объяснить феномены многосторонних межрегиональных связей и неравномерности парадипломатической активности.

Обсуждение и заключение. Автор констатирует, что существующие теоретические подходы к парадипломатии носят преимущественно дескриптивный характер и не обращаются к проблемам методологического, гносеологического и нормативного характера, что является несомненным недостатком.

Введение

В 80-е гг. XX столетия сформировалось новое направление в исследованиях дипломатии и внешнеполитической деятельности – анализ так называемой парадипломатии, дипломатии внутригосударственных административно-территориальных единиц. Основатели данного направления И. Духачек и П. Солдатос подчеркивали, что услож-

нение государственного управления привело к передаче части функций на региональный и муниципальный уровень (прежде всего, это касалось социальных вопросов). Из-за новых функций у регионов и административно-территориальных единиц (в том числе, городов, городских округов) возникла необходимость координировать усилия друг с другом, с пограничными и географически близкими регионами других стран, перенимать передо-

* **Лошкарёв Иван Дмитриевич**, преподаватель кафедры политической теории МГИМО МИД России.
e-mail: polittheory@mail.ru.
ORCID ID: 0000-0002-7507-1669

вой опыт у регионов удаленных стран и привлекать инвестиции. Необходимо отметить, что парадипломатия не единственное обозначение данного явления, предложено еще более десятка различных терминов, в частности: федеративная дипломатия, субнациональная внешняя политика, дипломатия различных уровней управления, дипломатия гражданских общин, локализованная внешняя политика, микродипломатия и плюринациональная дипломатия [19. С. 8-9]. Все данные термины отмечают важные аспекты анализируемого феномена. Во-первых, увеличение внешнеполитической активности регионов¹ не отменяет и фактически не оказывает решающего влияния на внешнюю политику государств: эти виды деятельности разведены по разным уровням политических взаимодействий, развиваются во многом параллельно. Во-вторых, речь идет не совсем о классической дипломатической и внешнеполитической деятельности – хотя бы в силу того, что не существует развитой сети зарубежных представительств регионов (за исключением, например, Шотландии и Квебека).

Палитра теоретических подходов

Парадипломатическую активность можно проследить на достаточно ранних этапах человеческой истории. В частности, возникновение практики породненных городов или городов-побратимов можно отнести к раннему европейскому Средневековью: в 836 году городами-побратимами стали германский Падерборн и французский Ле-Ман². Однако усиленное развитие парадипломатии обычно связывают с появлением национальных государств и глобализацией [6; 12]. Дополнительный стимул к развитию тесных политических и экономических связей регионов, по всей видимости, возник после окончания Холодной войны, снявшей идеологические и военно-политические ограничения на подобное сотрудничество [7. С. 216]. Естественно, заслуга в достижении качественно нового уровня парадипломатии приписывается также технологическому прогрессу, развитию новых управленческих практик, усилению напряженности в межгосударственных отношениях [6. С. 247-248].

На нынешнем этапе изучения парадипломатии можно выделить два основных под-

хода к исследуемому феномену [2]. Первый подход характерен для исследователей из Нового Света – Латинской и Северной Америки. Данный подход подчеркивает, что парадипломатия преимущественно развивается в западных федеративных государствах. Однако отсутствие незападных форм дипломатии объясняется скорее экономической несостоятельностью или организационной слабостью регионов в развивающихся странах, а не характеристиками административно-территориального устройства и политического режима в незападном мире. По мнению Х. Мичельмана, наличие доминирующей партии в настоящем и жесткого авторитарного режима в недавнем прошлом оказывают негативное влияние на внешние связи регионов, но этот эффект имеет ограниченный характер [10. С. 330-331]. Такой тезис, вероятно, преждевременный, поскольку базируется лишь на нескольких страновых кейсах (Малайзия, ЮАР). Совершенно очевидно, что и в условном «западном» мире предостаточно унитарных государств с развитыми парадипломатическими практиками (Великобритания, Испания), а значит, отрицать возможность парадипломатии в незападных унитарных государствах, по меньшей мере, преждевременно.

Второй подход связан с попытками вписать явление парадипломатии в современную теорию международных отношений. Этот подход в большей степени характерен для европейских исследователей, которые обратили внимание на взаимосвязь сепаратизма и поиска регионами внешнего признания с помощью инструментов парадипломатии [2]. Представители данного подхода преимущественно обращают внимание на рост транснациональной активности различных акторов и интернационализацию многих локальных проблем [9. С. 41-46]. Иными словами, подобные тезисы близки к неолиберальной и конструктивистской школам теории международных отношений. По мнению германских исследователей М. Клатта и Б. Вейзенберг, ключевой тезис в обосновании теоретической значимости парадипломатии заключается в переоценке суверенитета национальных государств. Государства даже в новых условиях остаются важнейшими игроками в мировой политике, но их суверенитет «перфорированный», не носит абсолютного

¹ В данной статье понятия «регионы» и «административно-территориальные единицы» используются как взаимозаменяемые, хотя это и не так.

² Очевидно, что эпитеты «французский» и «немецкий» имеют значение для современной эпохи, в указанный период города были частью владений Каролингов.

характера. Разрывы в пространственном и функциональном поле суверенитета государств вызваны развитием транснациональных взаимодействий, в том числе активной парадипломатической деятельности [5; 11. С. 26; 12. С. 207-209]. Представителей данного подхода в большей степени заботит не проблема оптимального внутригосударственного устройства, а решение практических проблем, например, урегулирования конфликтов и снижения межэтнической напряженности, совместного использования природного и торгового потенциала приграничными регионами. Внутреннее противоречие данного взгляда на парадипломатию заключается в том, что дипломатическая активность административно-территориальных единиц чаще является инструментом актуализации особой региональной идентичности, особенно при наличии сепессионистских настроений: сложно обратить во благо инструмент обострения противоречий.

Важно понимать, что современные исследования парадипломатии несут преимущественно дескриптивный характер, выявляют и описывают стратегии поведения административно-территориальных единиц на международной арене, а также возможные структурные и субъективные ограничения для их деятельности [15. С. 804-806]. То есть нормативная сторона проблемы (вопросы по поводу того, что правильно и неправильно) во многом остается вне поля зрения теоретиков парадипломатии.

Вызовы для теории парадипломатии

В качестве наиболее важных проблем современной теории парадипломатии представляется целесообразным выделить следующие. Первое: в теоретическом осмыслении парадипломатии необходимо четче сформулировать взаимосвязь административно-территориального устройства государства и внешнеполитической активности внутригосударственных регионов, некрупных административных единиц, городских округов и городов. Проще говоря, необходимо определить, насколько административно-территориальное устройство связано с последующей внешней активностью административно-территориальных единиц, в том числе, с учетом различий в конституционном регулировании взаимоотношений центральных и «нецентральных» властей, в уровнях администрирования и в наличии сфер совместного и смежного ведения.

Указанная проблема не сводится к вопросу распределения влияния между центральными и региональными властями, не менее важен, например, вопрос длительности существования регионов и длительности парадипломатической активности. Вероятно, частое изменение статуса и территориального состава административных единиц может оказывать негативное влияние [3]. Но есть и обратные примеры. Относительно недавнее образование (вернее, восстановление) в России двух немецких национальных районов (Азовский район Омской области и Немецкий район Алтайского края) привело к практически немедленному усилению инвестиционных и культурных связей этих муниципальных образований с Германией и отдельными организациями по связям с зарубежными немцами [4]. Аналогично в течение XX века в Бразилии сменилось шесть конституций, что несущественно повлияло на парадипломатическую активность штата Сан-Паулу: этот штат первым в современной истории заключил международный договор с другим государством (1907 год) и до сих пор остается инноватором в области парадипломатии (в частности, по показателям проработки концептуальных документов, взаимодействия с консульскими учреждениями других государств, использования сети собственных представительств) [18]. По имеющимся данным, за 2011-2014 гг. штат Сан-Паулу принял почти 1600 иностранных делегаций, отправил за рубеж 230 делегаций, поддерживал отношения со 116 государствами, что сопоставимо с уровнем дипломатической активности федеральных властей Бразилии [19. С. 210-215].

Разновидностью проблемы соотношения административно-территориального устройства государства и внешнеполитической активности внутригосударственных регионов также является вопрос о том, как изменение административных границ между территориальными образованиями влияет на парадипломатическую деятельность этих образований и «переданных» территорий. Например, в 1994 году Сокольский район передан из состава Ивановской области в Нижегородскую. Решение было принято по объективным причинам: район отделен от Ивановской области географическим барьером – р. Волга – и имеет сухопутные транспортные связи только с Нижегородской областью. Имело ли это последствия для Нижегородской и Ивановской областей с точки зрения их внешних связей? Скорее, не имело, хотя нижегородским властям удалось привлечь в деревообрабатыва-

ющую отрасль района несколько иностранных инвесторов. А если добавить фактор материальных ресурсов в проблему передачи территорий между административно-территориальными границами? В 2005 году городской округ Мерафонг-сити был передан в состав Северо-Западной провинции ЮАР: причина передачи заключалась в том, что значительная часть жителей округа принадлежала к этнической группе тсвана, как и большинство населения Северо-Западной провинции. Однако на территории округа находится крупнейшая в мире золоторудная шахта Мпоненг, которая обеспечивала высокий уровень жизни населения и большой приток иностранных инвестиций. В 2009 году после протестов населения городской округ вернули в состав провинции Гаутенг, которая занимает лидирующие позиции по уровню жизни населения в ЮАР (Мавингу). В данной ситуации передача территорий не сказалась на парадипломатической активности двух провинций ЮАР, но ухудшила положение переданных территорий: в Гаутенге сформировалась развитая институциональная база для парадипломатии, разработаны концептуальные документы и налажены механизмы работы в данной сфере, а Северо-Западная провинция – скорее в числе отстающих. Это демонстрирует, например, такой случай: в 2007 году офис премьер-министра Северо-Западной провинции запросил у посольства ЮАР на Кубе информацию на тему наличия или отсутствия у провинции международных соглашений с регионами Кубы – в самих органах управления провинции не было организовано хранение документов [16. С. 210].

Второе: теоретического осмысления требует феномен международной активности административно-территориальных единиц – то есть участие в работе международных организаций, а также создание наднациональных объединений регионов и иных территориальных образований. Учреждение международных организаций или вступление в них чаще всего подразумевает процедуру присоединения к международному договору или заключение такого договора. Венская конвенция о праве международных договоров 1969 года четко определяет, что международные договоры заключаются между государствами. Конвенция признает наличие других субъектов международного права, но не уточняет, какой статус у договоров, где хотя бы одним из подписантов является административно-территориальная единица внутри государства. То есть вопрос

присоединения субнациональных регионов к международным организациям или учреждения ими новых организаций имеет не юридическую, а политическую природу, зависит исключительно от настойчивости регионов и сопротивления центральных правительств.

С этой точки зрения, модельным случаем является парадипломатическая активность провинции Квебек в Канаде. В 1960-е годы в провинции прошла «Тихая революция», которая привела к формированию сети зарубежных представительств и полноценного ведомства по внешним связям. Канадское правительство сначала отрицало правомочность Квебека на ведение самостоятельной внешней политики: в 1970 году вопрос обострился в связи с членством Квебека в Агентстве по культурному и техническому сотрудничеству (АКТС, сейчас – Организация Франкофонии). В конце концов, обе стороны пошли на уступки: Квебеку были разрешены внешние связи, но провинция обязалась уведомлять федеральные власти и отказываться от действий, которые могут противоречить канадской внешней политике. После этого власти Канады перешли к тактике скрытных акций, препятствовали участию Квебека в ОЭСР и ЮНЕСКО. Чтобы размыть значение франкофонной активности Квебека, канадские власти в 1977 году подтолкнули к подаче заявки на членство в АКТС провинцию Нью-Брансуик, где также проживает франкоязычное население. Со временем канадские власти пришли к осознанию, что умеренные уступки и признание ограниченного права Квебека на внешние связи (в том числе, на заключение договоров) способствуют большей популярности умеренных и профедералистских политических сил в провинции [1. С. 49-52]. Таким образом, настойчивость Квебека, в конечном счете, позволила политическими методами добиться того, что не имело надежных правовых оснований.

Иной была ситуация автономного региона Занзибар и Пемба в составе Танзании. В 1993 году Занзибар был принят в члены Организации исламская конференция (ныне – Организация исламского сотрудничества). Это совпало с переходом Танзании к многопартийной политической системе и перераспределением полномочий между центральным правительством и властями Занзибара. Руководство страны опасалось политизации религиозных вопросов и дополнительных трений между преимущественно мусульманским населением островного Занзибара и преимущественно христианским населением материковой части, поэтому всячески

блокировало деятельность Занзибара, в том числе, обращаясь к Организации исламская конференция [8. С. 624-628]. В итоге, настойчивость центрального правительства привела к исключению Занзибара из состава организации. Однако неуступчивость властей Танзании имела и негативные последствия: в стране усилилась политизация конфессиональных различий, выросла популярность оппозиционно-сепаратистской партии Объединенный гражданский фронт.

Многообразие форм собственно международной активности административно-территориальных единиц не сводится только к участию в работе международных организаций. Регионы часто формируют собственные наднациональные организации, направленные на решение локальных проблем или способствующие координации совместных усилий на важных направлениях деятельности. Например, Европейская конференция приморских регионов (англ. Conference of Peripheral Maritime Regions) координирует действия более 150 административно-территориальных единиц в области развития туризма, борьбы с безработицей и сбора информации о существующих экономических проблемах. Эта организация является крупным лоббистом в наднациональных институтах ЕС и ежегодно тратит свыше 1 млн. евро на продвижение проектов, связанных с «морскими» рабочими местами³. Не менее интересен опыт возникшего в 1983 году Совета губернаторов региона Великих озер, объединяющего 12 канадских и американских субъектов федерации. Данная структура не только решает спорные вопросы в области водопользования и экологии, но и координирует совместные внешнеторговые операции с помощью системы общих зарубежных торговых представительств [19. С. 34-35].

С точки зрения политической теории, проблема заключается не в том, что Квебек или американские штаты «Ржавого пояса» успешно реализуют парадипломатическую повестку дня, а Занзибар и Северо-Западная провинция ЮАР пока находятся в начале пути. Проблема в том, что отсутствуют единые правила игры и многие действия регионов находятся в «серой» зоне с точки зрения права. Стала общим местом констатация, что регионы, как и другие акторы мировой политики, постепенно приобретают качественно новое значение. Но значит ли это, что развитие многостороннего межрегионального вза-

имодействия движется в сторону универсальных правил и практик? Очевидно, что ответ на вопрос требует новых эмпирических исследований, но есть и теоретический аспект проблемы, касающийся взаимосвязи всевозрастающего значения регионов и унификации нормативного поля в межрегиональных взаимодействиях. Если такая унификация не происходит в жесткой форме, возможно, она протекает в умеренном формате, например, через заимствование «лучших практик».

Наконец, третье: перед теорией парадипломатии встал вызов, связанный с объяснением неравномерности распределения парадипломатической активности. Deskриптивный характер теории парадипломатии в данном случае выступает ограничением для теоретического синтеза. Единственная попытка вписать очевидную реальность в теоретическую рамку была осуществлена в рамках структуралистского подхода к парадипломатии. Тезис структуралистов сводится к тому, что политико-географическое деление мира предопределяет формирование политических возможностей для одних административно-территориальных единиц и отсутствие возможностей для других [13; 17], но такой шаг – не более чем перекаладывание ответственности с самих регионов на структурные факторы, то есть регионы неравномерно занимаются парадипломатией не потому, что они разные по составу и историческим особенностям, а потому, что не всем регионам «повезло». С точки зрения внутренних структурных факторов, усиливающаяся парадипломатическая активность связана с трансформацией государственного суверенитета, расширением функций центральных правительств и делегированием полномочий на места, а также с субъективными явлениями, например, наличием сильного политического лидера в регионе или межличностной вражды в органах управления административно-территориальной единицы. Иными словами, аргументация идет по кругу: регионы приобретают новые функции из-за трансформации суверенитета, а суверенитет трансформируется из-за появления у политических акторов (в том числе, регионов) новых функций. С точки зрения внешних структурных факторов, рост парадипломатической активности обусловлен возникновением наднациональных структур (ЕС, АСЕАН, ЕАЭС) и многосторонних межрегиональных площадок. В данном случае

³ Conference of Peripheral Maritime Regions (CRPM). URL: <http://ec.europa.eu/transparencyregister/public/consultation/displaylobbyist.do?id=5546423688-07>

структуралистское объяснение также тавтологично: усложнение структуры в виде усиления институтов парадипломатии вызвано структурными изменениями.

Результаты исследования

В результате исследования выявлены три основные проблемы теории парадипломатии (что не отменяет наличие иных проблем). Во-первых, теория парадипломатии не имеет внятных ответов в вопросах пространственной трансформации административно-территориальных единиц и взаимосвязи этих трансформационных процессов с парадипломатической активностью. Во-вторых, загадкой для существующих теоретических подходов к парадипломатии является феномен многосторонних межрегиональных связей, которые, по всей видимости, формируют отдельный субнациональный (но не транснациональный!) уровень взаимодействий в мировой политике. В-третьих, пока не представлено полноценного теоретического осмысления явления неравномерности парадипломатической активности. Некоторое исключение составляют структуралистские теории парадипломатии, которые, однако,

предлагают тавтологичные трактовки соотношения парадипломатии и структурных изменений.

Заключение

В целом, теория парадипломатии пока не может претендовать на роль полноценной теории среднего уровня как в рамках сравнительной политологии и изучения особенностей административно-территориального устройства, так и в рамках теории международных отношений и мировой политики. В нынешнем состоянии теория парадипломатии описывает (а вернее, называет) ряд сюжетов, связанных с конкретными проявлениями дипломатической деятельности регионов, но не формирует новое представление о возможных взаимосвязях парадипломатии и иных политических явлений, не отсылает к какой-либо специфической понятийной сетке. Но в качестве прототеории среднего уровня теория парадипломатии позволяет предварительно подтвердить тезис о росте многообразия политических акторов в современных условиях, в том числе акторов с квазигосударственной и субнациональной природой.

Литература:

1. Акимов Ю.Г. Квебекская парадипломатия и позиция федерального правительства Канады: от конфликта к компромиссу // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2011. № 4.
2. Благодатских В.Г., Керимов А.А. Парадипломатия как категория политической науки: теоретико-методологические подходы и школы // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. №1 (17).
3. Минеев А.П. К вопросу о политической инокультурности российских регионов // Актуальные проблемы Европы. 2015. № 1.
4. Мураева Я.Н. Вопросы социально-экономического развития Немецкого национального района Алтайского края // Актуальные вопросы функционирования экономики Алтайского края. 2016. Т. 8.
5. Пареньков Д.А. Мониторинг как инструмент повышения качества таможенного администрирования // Роль и место Российской таможенной академии в развитии таможенного дела. Сборник материалов Международной юбилейной научно-практической конференции в 2 частях. Редколлегия: В.С. Чечеватов (председатель), А.Я. Черныш (зам. пред.), Е.Г. Анисимов, Н.П. Багмет, С.В. Барамзин, Т.Ю. Водостоева, В. А. Жбанков, К.А. Корняков, Н.Г. Липатова, Т.Д. Михайленко, В.Е. Новиков, Н.П. Панкратова, М.А. Рыльская, О.Г. Симахин, И.Б. Алябьева. М., 2008.
6. Шаймарданова З.Д., Макашев Ж.К. Усиление роли субнациональных акторов // Политическая наука. 2018. № 2.
7. Breslin S., Hook G.D. Researching Microregional Integration: Towards New Frameworks of Analyses // Microregionalism and World Order. Ed. by S. Breslin G.D. Hook. Houndmills, Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002.
8. Brown A. Political Tensions in Zanzibar: Echoes from the Revolution? // Canadian Journal of Development Studies / Revue Canadienne D'études Du Développement. 2010. № 30(3-4).
9. Cornago N. Diplomacy and paradiplomacy in the redefinition of international security: Dimensions of conflict and cooperation // Paradiplomacy in action: the foreign relations of subnational governments. Ed. by Aldecoa F., Keating M. London-Portland: Frank Cass, 1999.

10. Foreign Relations in Federal Countries / Ed. by H. Michelmann. Montreal & Kingston. McGill-Queen's University Press 2009.
11. Hocking B. Localising Foreign Policy: Non-central Governments and Multi-layered Diplomacy. London: Macmillan, 1993.
12. Klatt M., Wassenberg B. Secondary foreign policy: Can local and regional cross-border cooperation function as a tool for peace-building and reconciliation? // Regional & Federal Studies. 2017. №27 (3).
13. Lecours A. Paradiplomacy: reflections on the foreign policy and international relations of regions // International Negotiation. 2002. Vol. 7.
14. Mavungu, E.M. Frontiers of power and prosperity: explaining provincial boundary disputes in postapartheid South Africa // African Studies Review. 2016. № 59(2).
15. McConnell F., Moreau T., Dittmer J. Mimicking state diplomacy: The legitimizing strategies of unofficial diplomacies // Geoforum. 2012. № 43(4).
16. Nganje F.I. Paradiplomacy: a comparative analysis of the international relations of South Africa's Gauteng, North West and Western Cape provinces. D. Phil. (in Politics) Thesis. Johannesburg: University of Johannesburg, 2013 // <https://ujcontent.uj.ac.za>.
17. Royles E. Sub-state diplomacy: Understanding the international opportunity structures // Regional & Federal Studies. 2017. № 27(4).
18. Salomon M. Paradiplomacy in the developing world: the case of Brazil // Cities and Global Governance. New Sites for International Relations. Ed. by M. Amen, N.J. Toly, P. Mccarney, K. Segbers. Routledge, 2016.
19. Tavares R. Paradiplomacy: cities and state as global players. New York: Oxford University Press, 2016.
20. di Robert V. Yengibaryan. Time chooses us, we choose everything else... // Democrazia e diritto. № 4. 2014.

EXTERNAL RELATIONS OF THE REGIONS: THE MAIN PROBLEMS OF PARADIPLOMACY THEORY

Introduction: *The article discusses the theoretical basis of research in the field of paradiplomacy or external relations of intrastate administrative-territorial entities. Paradiplomacy is an umbrella concept within several theoretical approaches that are significantly close in content. The author analyzes the main problems in the theory of diplomacy related to the lack of heuristic potential and the lack of a formed conceptual grid.*

Materials and methods: *from a theoretical and methodological point of view, the author uses the hermeneutic approach, which allows to combine descriptive techniques and analysis of the subjective aspects of the given phenomenon. In addition, the author relies on a comparative historical method and a normative political analysis, which makes it possible to fit the facts of political reality into the framework of political theory. The paradiplomatic practice of Russia, Brazil, Canada, USA, Tanzania, and the Republic of South Africa acted as the material for the study.*

Research results: *the author has identified three main problems of the theory of paradiplomacy, which delay its further development. The theory of paradiplomacy does not have clear answers for questions of the spatial transformation of administrative-territorial units and the relationship of these transformation processes with paradiplomatic activity. The theory of paradiplomacy is unable to explain the phenomena of multilateral interregional relations and the unevenness of paradiplomatic activity.*

Discussions and conclusions: *the author states that the existing theoretical approaches to paradiplomacy are mainly descriptive in nature and do not address the problems of a methodological, epistemological and normative nature, which is an undoubted drawback.*

Ivan Loshkariov,
Lecturer with the Political Theory
Department, MGIMO-University under the
MFA of Russia.

Ключевые слова:

парадипломатия, регионы,
теоретизирование, внешние связи,
административно-территориальные
единицы

Keywords:

paradiplomacy, regions, theorizing, external
relations, administrative-territorial units

References:

1. Akimov YU.G., 2011. Kvebekskaya paradiplomatiya i poziciya federal'nogo pravitel'stva Kanady: ot konflikta k kompromissu [Quebec paradiplomacy and the position of the federal government of Canada: from conflict to compromise]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya* [The Herald of Sanct-Petersburg University. Philosophy, Cultural Studies, Political Science, Law and International Relations]. № 4.
2. Blagodatskih V.G., Kerimov A.A., 2018. Paradiplomatiya kak kategoriya politicheskoy nauki: teoretiko-metodologicheskie podhody i shkoly [Paradiplomatia as a category of political science: theoretical and methodological approaches and schools of thought]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»* [The Herald of Omsk University. Historical Sciences]. №1 (17).
3. Mineev A.P., 2015. K voprosu o politicheskoy inokul'turnosti rossijskih regionov [On the issue the political foreign culture of the Russian regions]. *Aktual'nye problemy Evropy* [Actual problems of Europe]. № 1.
4. Muraeva YA.N., 2016. Voprosy social'no-ehkonomicheskogo razvitiya Nemeckogo nacional'nogo rajona Altajskogo kraja [Issues of socio-economic development of the German National District of the Altai Krai]. *Aktual'nye voprosy funkcionirovaniya ehkonomiki Altajskogo kraja* [Actual problems of the Altai Kraj economy's functioning]. Vol. 8.
5. Paren'kov D.A., 2008. Monitoring kak instrument povysheniya kachestva tamozhennogo administrirovaniya [Monitoring as a tool to improve the quality of customs administration]. *Rol' i mesto Rossijskoj tamozhennoj akademii v razvitii tamozhennogo dela sbornik materialov Mezhdunarodnoj yubilejnoj nauchno-prakticheskoy konferencii v 2 chastyah* [The Role and Place of the Russian Customs Service Academy in Customs Affairs. Materials of International Conference]. Redkollegiya: V.S. Chechevatov (predsedatel'), A.YA. CHernysh (zam. pred.), E.G. Anisimov, N.P. Bagmet, S.V. Baramzin, T.YU. Vodostoeva, V. A. ZHbankov, K.A. Kornjakov, N.G. Lipatova, T.D. Mihajlenko, V.E. Novikov, N.P. Pankratova, M.A. Ryl'skaya, O.G. Simahin, I.B. Alyab'eva. Moscow.
6. Shajmardanova Z.D., Makashev ZH.K., 2018. Usilenie roli subnacional'nyh aktorov [Strengthening the role of subnational actors]. *Politicheskaya nauka* [Political Science]. № 2.
7. Breslin S., Hook G.D., 2002. Researching Microregional Integration: Towards New Frameworks of Analyses. *Microregionalism and World Order*. Ed. by S. Breslin G.D. Hook. Houndmills, Basingstoke: Palgrave Macmillan.
8. Brown A., 2010. Political Tensions in Zanzibar: Echoes from the Revolution? *Canadian Journal of Development Studies / Revue Canadienne D'études Du Développement*. № 30 (3-4).
9. Cornago N., 1999. Diplomacy and paradiplomacy in the redefinition of international security: Dimensions of conflict and co-operation. *Paradiplomacy in action: the foreign relations of subnational governments*. Ed. by Aldecoa F., Keating M. London-Portland: Frank Cass.
10. Foreign Relations in Federal Countries. Ed. by H. Michelmann. Montreal & Kingston. McGill-Queen's University Press, 2009.
11. Hocking B., 1993. Localising Foreign Policy: Non-central Governments and Multi-layered Diplomacy. London: Macmillan.
12. Klatt M., Wassenberg B., 2017. Secondary foreign policy: Can local and regional cross-border cooperation function as a tool for peace-building and reconciliation? *Regional & Federal Studies*. № 27 (3).
13. Lecours A., 2002. Paradiplomacy: reflections on the foreign policy and international relations of regions. *International Negotiation*. Vol. 7.
14. Mavungu, E.M., 2016. Frontiers of power and prosperity: explaining provincial boundary disputes in postapartheid South Africa. *African Studies Review*. № 59(2).
15. McConnell F., Moreau T., Dittmer J., 2012. Mimicking state diplomacy: The legitimizing strategies of unofficial diplomacies. *Geoforum*. № 43(4).
16. Nganje F.I., 2013. Paradiplomacy: a comparative analysis of the international relations of South Africa's Gauteng, North West and Western Cape provinces. D. Phil. (in Politics) Thesis. Johannesburg: University of Johannesburg. URL: <https://ujcontent.uj.ac.za>.
17. Royles E., 2017. Sub-state diplomacy: Understanding the international opportunity structures. *Regional & Federal Studies*. № 27(4).
18. Salomon M., 2016. Paradiplomacy in the developing world: the case of Brazil. *Cities and Global Governance. New Sites for International Relations*. Ed.by M. Amen, N.J. Toly, P. Mccarney, K. Segbers. Routledge.
19. Tavares R., 2016. Paradiplomacy: cities and state as global players. New York: Oxford University Press.
20. di Robert V. Yengibaryan., 2014. Time chooses us, we choose everything else... *Democrazia e diritto* [Democracy and Law]. № 4.